

Л.Г. Бызов В ФАРВАТЕРЕ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗАПРОСА

Прошедшие выборы в Государственную думу оказались одновременно и рядовым, предсказуемым событием, и важнейшим рубежом, ознаменовавшим переход общества в новое состояние. Действительно, они замышлялись во многом как чисто манипулятивные, призванные решить конкретные технологические задачи по укреплению "путинской" вертикали. В ходе предвыборной кампании усилили Администрации Президента, других властных институтов были направлены в первую очередь на то, чтобы обеспечить отрыв "Единой России". Очевидно, в Кремле изначально планировали утопить всю "мелочевку", плодя многочисленные партии и союзы приблизительно одной ориентации, обреченные на провал, с тем, чтобы на поверхности остались только "Единая Россия" и КПРФ, а затем из всех стволів ударить по КПРФ, обеспечив себе конституционное большинство в 301 голос, которое решит проблемы "третьего срока". Именно эту цель удалось достичь. Однако некоторые задумки ("клоны") Кремля все-таки обрели самостоятельную плоть и кровь. И результат оказался более значимым, чем исходный замысел. Что же произошло неожиданного? Высокий результат "Единой России" был предсказан заранее, о риске для партий либеральной ориентации остаться за пределами Госдумы аналитики предупреждали еще год назад, накануне выборов они "зависли" на грани 5%-ного барьера, и до сих пор продолжается дискуссия, относительно того, проиграли эти партии на самом деле, или же их "засудили". Существенное снижение поддержки КПРФ также

предсказывалось давно, независимо от манипулятивного давления в ходе предвыборной кампании. И все же прохождение в Госдуму четырех партий, придерживающихся с некоторыми нюансами примерно одной и той же национал-державной линии, стало сенсацией. Давно назревавшие количественные изменения общественного запроса перешли в новое качественное состояние. Выборы лишь наиболее ярко проартикулировали новый общественно-политический запрос, которому отдали дань практически все "победители". Не исключено, что в ближайшем будущем данное направление будет претендовать на формирование "правящей" идеологии, своего рода идеологии "большинства", поскольку все ее основные компоненты входят в "ядро" так называемого "путинского консенсуса" и поддерживаются более чем 2/3 общества. К тому же, это большинство политически активнее либерального меньшинства, которое потеряло социально-политическую пассионарность и не сумело мобилизоваться к выборам.

Недавно все выглядело совсем иначе. На движениях национал-патриотической ориентации был негласно поставлен крест как на "непроходных". Скажем, если КРО образца 1995 г. имел реальные шансы и лишь на самом финише кампания была "слита", то в 1999 г. перспективы вообще не просматривались. Некоторыми либерально ангажированными аналитиками (И. Клямкин, А. Зубов, А. Рубцов) была "вброшена" теория о полной

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич, кандидат экономических наук, член Научного совета ВЦИОМ.

либеральной переориентации российского населения. А тут вдруг такое... Что же случилось?

Во-первых, выборы ясно показали, чем "путинская" Россия отличается от "ельцинской". В последние годы общество весьма существенно ценностно унифицировалось. С так называемым феноменом "путинского консенсуса" не могут не считаться даже "крайние" политические силы, так или иначе "подтягивающиеся" под него ввиду угрозы полной маргинализации. В результате очевиден дрейф "левых" (в том числе КПРФ) в направлении общедемократических ценностей и "правых" в направлении национал-державнических идей (вспомним тезис А. Чубайса о "либеральной империи"). Как итог — практически малая различимость программ и официальных партийных идеологий, что особенно бросалось в глаза в начальной стадии избирательной кампании, когда интерес к выборам был минимальным (к концу кампании появились новые идеи и новые персоналии).

Во-вторых, в "путинской" России сложилась совершенно иная социальная структура общества. Именно этим фактором объясняется феномен "Единой России", многим аналитикам непонятный и интерпретируемый либо как общественный сервиллизм, либо как манипулирование. Между тем за высоким результатом фаворита в лице "ЕР", наряду с манипулированием и административным давлением, стоит очень значимая реальность. В России за последние 4—5 лет начал формироваться средний класс, в мегаполисах он достигает 25—30%. По своей системе ценностей это конформисты, которые считают, что жить в нынешних условиях можно, и оценивают свой уровень жизни как удовлетворительный. Они видят

определенные перспективы, и именно они являются оплотом нынешнего режима. С другой стороны, этот слой населения самый активный, на разных уровнях он реально контролирует экономическую жизнь страны. В недрах среднего класса, еще в 90-е годы представлявшего собой прозападную часть городской элиты, появился значимый "автохтонный" сегмент, заинтересованный в системном развитии страны и связывающий с этим развитием свой личный успех. Поэтому называть нынешний "путинский" режим "антинародным" уже нельзя. Любая политическая сила, рассчитывающая на успех, должна предложить данному классу что-нибудь приемлемое. Но ничего более приемлемого, чем "Единая Россия", до сих пор обществу предъявлено не было. Характерный для нынешней ситуации рост позиций "ЕР" в самые последние недели и дни до выборов также весьма показателен. Он означает, что неопределившиеся в своем политическом выборе — не те, кто осознанно выступает против нынешней политической системы и предлагаемого "политического меню", а те же конформисты, мало интересующиеся политикой и делающие свой выбор в пользу наиболее лабильной политической силы, коей и является "Единая Россия".

Соответственно, колоссальное падение рейтинга КПРФ — результат не только внешнего давления, но и серьезного внутреннего кризиса. Действуя по старой парадигме 90-х годов, когда КПРФ реально была "хранителем" национальной идентичности против космополитичных "реформаторов", серьезных успехов уже не добиться. Путинский режим воспринимается обществом в целом как национальный, соответствующий интересам страны. И

та часть электората КПРФ, которая не столько голосовала за коммунизм, сколько протестовала против "либерального беспредела", сегодня поддерживает В. Путина и ориентированные на него политические силы. А "ядро" собственно приверженцев коммунистического проекта, как показали последние исследования, не превышает 8—9%. Остальные голоса сторонников КПРФ — это общепротестный электорат, равнодушный к коммунистическим идеям. Да и часть "ядра" поддержала более свежий и пассионарный проект "Родина", выдвигающий более радикальные требования к нынешнему режиму, чем КПРФ. Но стать реальным инструментом защиты интересов тех слоев населения, которые всегда голосуют за коммунистов (т.е. наиболее уязвимых, слабо адаптированных к рыночной экономике), КПРФ так и не сумела. Самым худшим из возможных результатов был бы тот, если бы в Думу прошли всего две партии: "Единая Россия" и КПРФ. В этом случае весь потенциал нынешнего политического запроса был бы сведен к воспроизводству простейшего конфликта между "настоящим" в лице "партии власти" и "вчерашним" в лице коммунистической оппозиции. Компартия сама заперла себя в "электоральном гетто", за пределами которого пребывает уже около 1/5 взрослого населения страны. Для них коммунистическая альтернатива не приемлема в принципе, как бы они ни были неудовлетворены своей жизнью. В своем нынешнем виде КПРФ лишь подчеркивает безальтернативность "партии власти".

Труднее адекватно оценить значимый триумф В. Жириновского. Вероятно, правы те, кто рассматривает поданные за ЛДПР голоса как вариант голосования "против всех",

когда в Государственной думе видят не более, чем цирк, и, соответственно, выбирают самого "отвязанного" клоуна. Но, с другой стороны, национал-державные идеи, озвучиваемые Жириновским в пародийном ключе, сегодня оказались востребованы как никогда.

Катастрофа, постигшая "Яблоко" и СПС, также достаточно характерна и поучительна. Безусловно, и у той, и у другой партии есть и остается свой электорат. Особенно показательно предварительное голосование в Рунете, где СПС выигрывает выборы с результатом более 25%. Среди пользователей сети молодые люди, жители крупнейших городов, с высоким уровнем образованием, большими социальными запросами и доходами выше среднего. В их числе много сотрудников различных международных фирм, это своего рода представители в России "глобальной цивилизации". Но, судя по всему, сверхполитизированная кампания СПС, вращавшаяся вокруг личности А. Чубайса и его "исторических заслуг" перед страной, отпугнула эту часть электората, ориентированного скорее на завтрашний день, чем на вчерашний. Чубайс, как и Явлинский, воспринимаются обществом как зримые реликты ушедшей эпохи 90-х, по контрасту с нынешней, оцениваемой сегодня исключительно негативно. В результате электорат СПС сократился до уровня личного рейтинга Чубайса, т.е. до 3—4%.

Главным же открытием политического сезона, безусловно, стал блок "Родина". Поначалу он был задуман в формате "Товарищ" (название придумал М. Гельман) и был ориентирован Старой площадью на "ядерный" (по стилистике авангарда 20-х годов) коммунистический электорат — более левый, истинно ком-

мунистический. Как показали наши исследования, в этом формате блок был обречен на потолок в 1,5—2%. Поиски нового формата привели в сентябре к формированию "Родины". И хотя кампания была проведена посредственно (издержки, связанные с притиркой лидеров и их команд, слабая работа региональных штабов, перебои с финансированием), рейтинг блока, как только возник федеральный информационный ресурс, стал стремительно расти. Именно лидеры "Родины" сумели озвучить то, что общество хочет сегодня слышать и способно воспринимать, иначе говоря, нащупать магистральный общественно-политический запрос. В чем же он состоит? В первую очередь в построении сильного социально-ориентированного национального государства, причем социальная составляющая здесь приоритетна по сравнению с национальной, по крайней мере, на первый взгляд.

В кампании "Родины" социальный запрос преимущественно был представлен требованием изъятия природной ренты. Дело, конечно, не в одной ренте и не в одних антиолигархических настроениях. Проблема, как она осознается современным обществом, состоит в наведении порядка во взаимоотношении между государством и крупным бизнесом в целом.

К чему стремится сегодняшнее общество в национальном вопросе? Национальная озабоченность хорошо видна при исследовании на малых выборках, когда идет откровенный разговор: мол, русских дискриминируют, "чернота" заела. Но как только политик идентифицирует себя как русского националиста и под этим знаменем идет на трибуну, он сразу же оказывается в положении маргинала. Почему так происходит? Мы разрешили этот

парадокс для себя так: национальные ценности — это ценности, так сказать, "второго эшелона". Они выступают на первый план на кухне и уходят на третий план на публичной трибуне. Национальные гарантии как бы встроены в социальные, это то, что входит в "пакет" ценностей социальной справедливости. А над синтезом социальных и национальных идей никто всерьез не работал. Блок "Родина" впервые попытался представить этот синтез, что и стало главным "ноу-хау" кампании.

По данным Центра социального прогнозирования (директор — Ф. Шереги), 69,2% россиян поддерживают требование об изъятии у сырьедобывающих кампаний природной ренты, еще большее число — 78,7% — требуют полного возврата в собственность государства природных ресурсов страны, 54,7% выступают за пересмотр итогов приватизации. Так что антиолигархическая направленность "Родины" попала, что называется, в самую точку общественного запроса.

С другой стороны, 72,7% населения высказывается за ограничение наплыва в страну нерусских мигрантов с Юга и Юго-Востока, 43,6% опрошенных поддерживают еще более радикальный тезис о "превращении России в страну для русских". Словом, актуальность национальной, в том числе "русской" проблематики в современной России не требует доказательств. При этом излишнее педалирование национального вопроса у многих вызывает опасение. Лишь около 7% россиян готовы проголосовать за политиков, которые национальную проблематику ставят на первое место. Прежде всего это электорат ЛДПР.

Так, среди сторонников ЛДПР 57,9% готовы поддержать тезис "Россия для русских", а среди сто-

ронников "Родины" — 42,0%, примерно столько же, сколько среди поддерживающих "Единую Россию". Среди сторонников ЛДПР 19,3% тех, кто идентифицирует себя с "русскими националистами", среди сторонников "Родины" — 8,9%, среди сторонников "единороссов" — 6,8%.

По всем параметрам блок "Родина" занимает промежуток между КПРФ и "Единой Россией", т.е. находится в левом политическом центре. Результаты исследований не подтверждают озвучиваемый многими тезис о том, что именно "Родина" "съела" недостающие голоса КПРФ. По данным ВЦИОМ, меньше четверти нынешних сторонников этого блока голосовали на прошлых выборах за КПРФ, остальные голоса он получил от сторонников "Единства" образца 1999 г., "Яблока" и других партий.

Да и по социальным характеристикам за "Родину" проголосовали отнюдь не беднейшие слои общества. Среди сделавших свой выбор в пользу блока 59,2% составляют "адаптанты" — те, кто приспособился к рыночным реалиям. Это почти столько же, сколько у сторонников "Единой России" (64,5%), и значительно больше, чем у голосовавших за КПРФ (36,2%). Лишь 22,5% электората "Родины" характеризуют свое экономическое положение как плохое или очень плохое (47,9% у КПРФ и 26,2% у "Единой России").

В исследовании, проведенном Центром социального прогнозирования по заказу штаба "Родины" на рубеже октября-ноября (тогда рейтинг "Родины" был около 5-6%), задавался вопрос о политических симпатиях, причем на него нужно было дать лишь один ответ.

Таблица

Поддержка блока "Родина" в различных электоральных нишах, %

Кому симпатизируют	Общий размер группы	Уровень поддержки блока "Родина" на начало ноября
Сторонникам нынешнего политического курса	15,9	4,0
Коммунистам, другим "левым силам"	4,0	1,9
Не столько коммунистам, сколько идее сильного и социально ориентированного государства	18,0	13,9
Тем, кто выступает против засилья в стране нерусских группировок, наплыва в страну приезжих из южных и юго-восточных регионов	7,9	7,2
Сторонникам возрождения страны на основе православной традиции	4,4	11,5
Правозащитникам, выступающим против диктатуры и произвола со стороны государства и чиновничества	12,5	6,8
Сторонникам более быстрого и радикального проведения рыночных реформ	4,7	2,4

Судя по приведенным в таблице данным, электорального пересечения "Родины" и коммунистического "ядра" практически нет. Как показало исследование, базовый электорат "Родины" — это специалисты с высшим образованием, своего рода "технократы", выступающие за сильное социальное государство (образно говоря, "советская власть без коммунистов"). Это и самая большая идейно-политическая ниша, и в ней самая высокая поддержка "Родины". Данная группа, не будучи сторонником КПРФ, долгое время голосовала солидарно с этой партией из чувства протеста, а сегодня ее симпатии разделились между "Единой Россией" и "Родиной". Много сторонников блока и у иных государственников, в частности, приверженцев православно-монархической традиции, другое дело, что размер этой ниши невелик и потому вклад этой группы в успех "Родины" значительно меньше. Немало проголосовавших за "Родину" и среди "правозащитников", так что какую-то часть электората она отобрала и у "Яблока". Что же касается "националистов", то среди голосовавших за "Родину" их ничуть не больше, чем среди сторонников КПРФ и "Единой России" и существенно меньше, чем в составе электората ЛДПР.

Между тем "Родина" — остропротестное политическое образование. В чем же состоит этот протест и против кого он направлен? Можно предположить, что это перспективный протест, базовым носителем которого является "автохтонная" часть среднего класса. На наш взгляд, просматривается определенный парадокс. С одной стороны, есть средний класс, заинтересованный в сохранении стабильности режима. Но на прямой вопрос социологов: "Нравится ли вам такая

стабильность, являетесь ли вы сторонниками того режима, который сформировался сегодня в нашей стране?" — утвердительный ответ дают всего 10—12%. Остальные, видимо, рассчитывают на реализацию каких-то своих социальных ожиданий в рамках эволюции данного режима — не более и не менее того. Резерв ожиданий, который связывался с Путиным по контрасту с Ельциным, сегодня практически исчерпан. Поэтому за "Единую Россию", как нам представляется, голосуют по инерции — ведь никаких более внятных, четко артикулированных идей до сих пор ни у кого не было (в частности, слева от "Единой России" ничего значимого, кроме КПРФ, не появлялось). Но, как показывают и исследования, и результаты выборов, "стержень" запроса среднего класса все же значительно левее "Единой России".

Так, за возврат к советским порядкам в той или иной форме высказываются лишь 15,5% населения, причем "государство типа советского" (18—20%) как ценность стоит значительно выше "коммунистической идеологии" (8—9%). А что же остальные, чего они хотят? Рынка? Нет, лишь 19,7% опрошенных считают оптимальным именно рыночный строй, сформированный в результате "либеральных" экономических реформ. Они хотят того, чего нет и никогда не было, — некую форму совмещения капитализма с социализмом при сильной национальной идеологии, сильном государстве, гарантирующем социальную справедливость. Как можно назвать этот строй, не похожий ни на "дикий" рынок 90-х, ни на советский социализм? Как угодно: хоть русским социализмом, хоть русским капитализмом, — здесь важен синтез социальных гарантий и национальной идеи, который нико-

му в нашей истории не удавался. И протест средних слоев населения, не удовлетворенных сложившимися реалиями, обращен именно на эту социальную утопию.

Действительно, сегодня обществу предъявлено всего два социальных проекта. Первый — модель советской экономики, к которой не вернуться и которая, следовательно, носит утопический характер. Она потерпела крах, так как не смогла дать обществу адекватных мотиваций к труду и не обеспечила конкурентоспособности советского строя. Апелляция к этому, отвергнутому историей, утопическому проекту, которой занимается КПРФ, лишь призвана продемонстрировать фактическую безальтернативность второго социального проекта, реализуемого в России с 1991 г. Он имеет те же пороки, что и советская модель, поскольку не обеспечивает развития нации, ведет к деградации творческого и производственного потенциала страны и к ее стратегическому проигрышу в мировой конкуренции. Оба эти проекта по сути антинациональны, один сделан в свое время по эскизам Коминтерна, другой — по рецептам Международного валютного фонда. Оба игнорируют ментальность русского и других коренных народов России, не учитывают их традиций, истории и культуры. Оба способствуют разбазариванию национального потенциала страны. На языке политологической теории, это "догоняющая модернизация", в которой Россия всегда останется догоняющей стороной, вынужденной играть по правилам, навязанным ей извне. Либерально-олигархический капитализм всего за десять с небольшим лет поставил в наиболее тяжелое положение именно русскую нацию, меньше всего приспособленную своим исто-

рическим опытом к подобного рода социально-экономической системе. Сам по себе либеральный капитализм не мотивирует русских к труду. Дальнейшая реализация этого проекта превратит русских в России в "непрошенных гостей на чужом пиру".

Сегодня, в условиях фактической безальтернативности либерального проекта, общество готово смириться с ним в целом, удовлетворяясь мелкими подачками и перекрашиванием фасада (чем занимается "Единая Россия"), но по сути население не устраивает ни модель либерально-олигархического капитализма, ни возвращение к советскому типу экономики. Более 50% россиян хотят "чего-то третьего", хотя внятно сформулировать, что же это именно такое, навряд ли способны. Это "третье", как уже отмечалось, может быть названо и "русской моделью социализма", и "русской моделью капитализма", дело не в названии, а в том, чтобы построить социальный строй, органичный для нашей ментальности и традиций. Нам нужен русский социальный проект. То есть, выражаясь тем же политологическим языком, нужен переход к "органической модернизации". Именно органическая модернизация способна раскрепостить творческие силы русских и иных народов России.

Русский социальный проект должен стать основой для "новой русской идентичности". Кто, собственно, мы — русские? Идентичность "по крови" не проходит в современной России, и никогда не была ей свойственна исторически. Идентичность по вероисповеданию также является на сегодняшней день слабым паллиативом, не способным компенсировать отсутствие социального и цивилизационного проектов. В отсутствие своего проекта

русские рассыпаются как нация и стремительно переориентируются на инациональные ценностные модели. Предъявление "русского проекта" позволит считаться русскими всем тем, кто готов принять участие в этом проекте, независимо от национальной принадлежности. Проще говоря, всем, кто готов "работать на Россию".

Русский социальный проект — это своего рода "русская корпорация", некая форма солидарности во имя повышения конкурентоспособности каждого. В современном мире по одиночке мы не пробьемся (вернее, пробьются единицы), только как нация, обладающая своим адекватным национальным проектом, мы что-то из себя представляем. В качестве нации мы готовы участвовать в выработке новых цивилизационных форм, поскольку очевиден мировой кризис как традиционного общества, не способного преодолеть нищету, перенаселение, социальную отсталость, так и современного западного общества, поддерживающего свою жизнеспособность все более агрессивной политикой, будучи лишенным органичных основ своего развития. Мы готовы стать "нацией-корпорацией", обеспечивающей общий успех.

Материально слои, составляющие базовый электорат "Родины", более или менее обеспечены, но их экзистенциальные потребности никак не удовлетворены, жизнь лишена некоей сверхзадачи, высшего смысла. Без национального государства все как бы расплывается — доминируют частные интересы отдельных кланов и корпораций, включая государственные ведомства, превратившиеся по сути в частные корпорации. Нынешние протестные настроения во многом являются следствием не социального, а экзистенциального голода. Поэто-

му актуальной становится некая универсалистская модель, способная дать людям смысл, создать некий "новый порядок" на базе нового "среднего класса". Установление "нового порядка" ознаменует собой завершение революции, начатой в конце 80-х годов.

Проблема состоит в том, что в России сегодня нет единого социального субъекта, общество расколото, нация отсутствует, ее надо строить заново. Если включить этот запрос в нынешний политический спектр, то он будет носить четко выраженный левоцентристский характер. Сегодня эта часть спектра практически никем не занята. За все десять лет нынешней конституции здесь не появилось ни одной значимой политической структуры. Блок "Родина", выступавший в роли "КПРФ для лево-патриотической интеллигенции", оказался в центре самого перспективного общественного запроса.

Движение маятника в национал-державном направлении становится доминирующим. При всем безвластии Госдумы и в этом смысле формально низкой значимости результатов выборов с данным обстоятельством не сможет не считаться реальная власть. Фактически то же "дело Ходорковского" есть во многом примерка власти к новому запросу. И если оно повлияло на ход кампании, то лишь тем, что воскресило в обществе скрытые и уже полузабытые надежды на "народного Президента В. Путина" и помогло тем политическим силам, которые громче всех напоминали об этих надеждах. Не случайно среди голосовавших за "Родину" 71,4% доверяют В. Путину.

В этой связи сложно однозначно оценить последующие события вокруг "Родины", касающиеся разногласий внутри фракции по пово-

ду выдвижения кандидатуры С. Глазьева на президентских выборах. С одной стороны, это шанс снова заявить о себе, об амбициях возглавить лево-патриотическую оппозицию. С другой стороны, это и потеря части того электората, который удалось привлечь под знаменем "Родины" в декабре. Лишь четверть голосовавших за "Родину" намеревалась в конце января, согласно данным ВЦИОМ, поддержать С. Глазьева. Причем это наиболее радикальная по взглядам и маргинальная по социальным позициям четверть. Однако сам проект "Родина", точнее, связанный с ним социальный запрос, живет самостоятельной жизнью, и в этом смысле его судьба не тождественна судьбе парламентской фракции "Родина", которая может оказаться, а может и не оказаться на высоте предъявленных обществом ожиданий.

Итак, на выборах в самом общем виде обрисовался некий универсалистский лево-патриотический проект, способный стать ядром кристаллизации новой "партии власти" с гораздо большим успехом, чем "Единая Россия", лишенная внятной идеологии и какого-либо мобилизационного потенциала. Остальные партии должны представлять интересы тех групп населения, которые за них голосуют — не более и не менее. Коммунисты — помогать адаптации тем, кто не вписался в "путинскую модернизацию", ощущает себя неуверенно в нынешних реалиях. "Правые либералы" — тем, кто связан с глобальной экономикой, идентифицирует себя с "мировым сообществом", и кому тесновато в рамках путинского полуавторитаризма. В конечном счете, "правые либералы", а также другие силы, находившиеся в центре событий в 90-е годы, совершили антикоммунистическую революцию,

но завершить ее, сформировать новый устойчивый социальный порядок не смогли. Пришло время иных политиков.

На наш взгляд, началась достаточно серьезная переконфигурация всего политического ландшафта. При этом, несмотря на электоральный успех, весьма уязвимыми выглядят позиции "Единой России". Ее победа, возможно, окажется "пирровой", так как в глазах общества именно она несет ответственность за все, что будет происходить в ближайшее время (по аналогии с КПСС конца 80-х годов). По сути, именно "ЕР" сегодня как бы закрывает праволиберальный экономический фланг, однако долго ли она сможет это делать — большой вопрос. Ее естественный антидемократизм (как антидемократизм любой административной монополии) оставляет открытой проблему демократической оппозиции. "Родина" — это "русская", почвенническая оппозиция, но для России в ее исторической ретроспекции всегда было характерно и сильное влияние "западного" крыла демократической оппозиции власти. Речь идет о "либералах с человеческим лицом", с сильной социальной составляющей.

В перспективе вероятно формирование трехпартийной политической системы (что не исключает сохранения множества мелких партий на периферии политического процесса). Это "партия власти", представляющая интересы правящей бюрократии и отвечающая за стабильность режима в целом, а на флангах — социал-консерваторы ("русская" партия) и социал-либералы (умеренно "прозападная" партия). Трехпартийная система может превратиться в какой-то исторический момент (в периоды политической бифуркации, когда режим теря-

ет стабильность и власть оказывается в руках какого-то определенного фланга), в двухпартийную. Что же касается радикальных либералов без социальной составляющей, то они в условиях современной России не могут претендовать на значимое место в политическом спектре.

Понятие "социал-либерализм" представляется более адекватным, чем понятие "социал-демократия" по целому ряду причин. В современной России отсутствуют социальная самоорганизация, влиятельные профсоюзы, иные компоненты гражданского общества, вокруг которых и формируется классическая социал-демократия. Социальный запрос как таковой обращен преимущественно к государству, что неизбежно придает ему оттенок консервативного социализма. Социал-консерватизм претендует на мобилизационный характер своей идеологии, ему свойственно стремление "выстроить" меньшинство в угоду интересам большинства (социальные меньшинства — те же олигархи, национальные, религиозные и т.д.). Социал-консерватизм оправдывает насилие большинства над меньшинством. Социал-либерализм более чувствителен к интересам и правам разного рода меньшинств, он против насилия в любой его форме. Он более плюралистичен, выступает за "культурное многоцветие", за гуманитарный и экологический контекст. Он опирается не на

гражданское общество (которого нет), а на умеренно западную субкультуру крупных городов, на тех, кто видит Россию "в ряду цивилизованных стран мира", а также на тех, кто связывает свой личный успех со структурами глобальной экономики (это высокопрофессиональные специалисты, котирующиеся на мировом рынке, работники представительств иностранных фирм и совместных предприятий, культурная и научная элита).

Сложилась ситуация, достаточно опасная как лично для В. Путина, так и для "путинского" режима в целом. Высокий рейтинг президента во многом базировался на протестных настроениях тех, кто видел в нем альтернативу ельцинизму. Явно перестаравшиеся кремлевские политтехнологи создали ситуацию, когда президенту и его окружению больше не удастся переключать ответственность за неизбежные провалы на "силы прошлого". В. Путин стал заложником созданной им же "вертикали", выстроившей все субъекты власти вокруг фигуры президента. По нашему прогнозу, он столкнется с серьезными трудностями не позднее осени следующего года. И для проведения маневра в этих условиях ему крайне необходима политическая субъектность на социал-либеральном направлении, которая бы позволила как-то балансировать набирающую силу социал-консервативную оппозицию.